

ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЩЕПКИН

кандидат исторических наук, ассистент кафедры японоведения Восточного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
старший научный сотрудник отдела Дальнего Востока
Институт восточных рукописей Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
vshepkin@gmail.com

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПЕТРЕ I И ФОРМИРОВАНИЕ ЕГО ОБРАЗА В ЯПОНИИ*

Представлены результаты исследования истории распространения первых сведений о Петре I и формирования его образа в Японии в XVIII – первой половине XIX века, выявлены предпосылки к использованию образа Петра I для популяризации идей модернизации страны по западному образцу, а также построения государства с сильной центральной властью. Определена степень влияния европейской оценки деятельности Петра I, которая могла быть заимствована японцами при переводе голландских сочинений. Установлено, что к концу XVIII века в Японии сформировался образ Петра I как выдающегося правителя, главным достижением которого стало увеличение территории страны, тем самым объяснялось внезапное появление европейской России у северных пределов Японии. На рубеже XVIII–XIX веков с возвращением в Японию побывавших в России моряков накапливаются сведения о содержательной стороне деятельности Петра. В результате пример Петра и его преобразований в России начинает использоваться для подспудной критики косного взгляда чиновников центрального правительства на международное положение Японии и, как следствие, недальновидной внешней политики.

Ключевые слова: Петр I, образ Петра I, образ России, история российско-японских отношений, история Японии, период Эдо, модернизация, вестернизация

Для цитирования: Щепкин В. В. Первые сведения о Петре I и формирование его образа в Японии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 115–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.490

ВВЕДЕНИЕ

В XIX–XX веках в условиях резко возросшего военно-политического и экономического доминирования западных стран в мире многие незападные государства и общества столкнулись с необходимостью догоняющей модернизации. Не обошла эта участь и страны Восточной Азии, где данная проблема стала особенно актуальной после поражения Китая от Великобритании в Первой опиумной войне 1840–1842 годов. Так, в Японии именно под влиянием этого события (задолго до переворота Мэйдзи 1867–1868 годов) была предпринята первая попытка обратиться к европейскому опыту: в ходе реформ правления Тэмпо (1841–1843 годы) были начаты мероприятия по организации береговой обороны, отливке артиллерийских орудий, изучению методов ведения боевых действий и строительству паровых судов [4: 108–115]. Хотя данные реформы не получили должного продолжения, они тем не менее положили начало дискурсу о необходимости и возможных методах модернизации. Очевидно, что ее сторонникам был необходим пример другого государства, имевшего успеш-

ный опыт догоняющего развития. Таковым могла стать Россия, а именно реформы Петра I – один из наиболее ранних примеров преобразований по западному образцу. Вскоре после завершения Первой опиумной войны вассал княжества Мацусиро, а впоследствии влиятельнейший мыслитель Сакума Сёдзан (1811–1864) сложил такое стихотворение на китайском языке:

«К востоку он владения на десять тысяч верст расширил –
Всё потому, что поощрял науки, научившись у голландцев.
А в нашей же стране болтают о пустом наследники героев –
Уж сотню лет нет никого, сравнимого с Петром!»¹

Данное стихотворение может на первый взгляд удивлять осведомленностью автора о деятельности Петра, принимая во внимание расхожий образ Японии как страны закрытой для иностранцев и любой информации из-за рубежа вплоть до 1853 года. Однако в действительности еще во второй половине XVIII века, когда первые российские экспедиции стали искать торговых отношений с Японией, там стало извест-

но о соседстве Российской империи на севере и началось ее изучение. В этом свете написанное спустя полвека стихотворение можно назвать не только неувидительным, но и вполне типичным для интеллектуальной элиты Японии середины XIX века с точки зрения оценки деятельности Петра и использования его образа.

Приступая к изучению образа Петра I в Японии в прошлом и настоящем, мы считаем необходимым рассмотреть историю проникновения первых сведений о российском правителе в эту страну в XVIII–XIX веках и формирования основ его образа как успешного реформатора, способного выступить примером для похожих преобразований в Японии второй половины XIX века. Основными для нас послужили следующие источники: ежегодные «Записи об услышанном» и другие отчеты, направлявшиеся голландцами центральному правительству Японии; сочинения японских ученых о России или странах мира, опиравшиеся на данные голландских книг; сочинения японских ученых о России, опиравшиеся на данные побывавших в России японских моряков; свидетельства участников российских экспедиций о взаимодействии с японскими чиновниками и учеными.

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О РОССИИ И ПЕТРЕ I В ЯПОНИИ XVIII ВЕКА

На данный момент наиболее ранним упоминанием России в Японии считается сочинение Нисикава Дзёкэн «Исследование торговых сношений Китая и варваров» 1695 года, однако сам автор называл его незаконченным черновиком, а оригинальным текстом считал исправленное и дополненное издание 1708 года². В нем «Московия» описывается как «большая и холодная страна к востоку от Голландии», с обычаями, «напоминающими голландские», и людьми, которые «состязаются в храбрости и силе» и «держат злых собак» [5: 73–74]. Приводятся сведения о Царь-колоколе и Царь-пушке, а также о товарах, которыми Россия торгует. Возможно, уже в этом, первом в Японии небольшом тексте о России мы находим сведения о Петре I, хотя и без упоминания его имени: говоря о государственном строе, автор пишет, что в этой стране «один лишь государь старается в учении, а вельможам и прочим учиться запрещено» [5: 73–74]. Вкупе с характеристикой обычаев как «напоминающих голландские» можно предположить, что речь идет именно о Петре. Если это так, Нисикава Дзёкэн для своего труда пользовался самыми новыми на тот момент голландскими трудами по географии.

В голландских «Записках об услышанном» сведения о России начинают появляться с 1705 года. За годы правления Петра I (1682–1725) «Записки об услышанном» упоминали о России лишь трижды: в 1705 году – о начале «большой войны» с участием Московии, Швеции, Польши и Дании (Северной войны), в 1712 году – о вступлении в войну Турции на стороне шведов и в 1713 году – о «перемирии», заключенном при посредничестве Голландии и Англии (Адриано-польский мирный договор). Сам Петр ни в одном из сообщений не упоминается [5: 253–260].

Невзирая на объем и характер этих самых ранних сведений, следует учитывать, что вплоть до 1770-х годов ни власти, ни интеллектуалы Японии не проявляли интереса к России, поскольку все эти немногочисленные упоминания не давали как минимум представлений о ее реальном географическом положении относительно Японии. А если кто-то из японцев и обратил бы внимание на эти сведения, то составил бы представление о России как об одной из многих подобных друг другу европейских стран.

Однако на рубеже 1770–1780-х годов произошли события, заставившие ученых, а затем и власти Японии осознать кардинальные изменения в мироустройстве, затронувшие и ближайшие к их стране земли³. В 1778 году члены российской экспедиции под руководством И. М. Антипина и Д. Я. Шабалина, находившейся с 1775 года на Урупe, приехали на северо-восточную оконечность Хоккайдо, где встретились с чиновниками Мацумаэ, самого северного княжества Японии, в чьем ведении находилась торговля с айнами – коренным населением Хоккайдо, Курильских островов и Сахалина. Передав подарки властям княжества и сообщив о желании установить регулярные торговые отношения, русские пообещали вернуться через год для продолжения переговоров. Однако во время встречи в 1779 году японские чиновники ответили, что вести торговые отношения напрямую они не могут и предложили обмениваться товарами через курильских айнов, имевших контакты как с русскими, так и с японцами⁴.

Сведения о визитах русских, а также о возможной нелегальной торговле между ними и японцами из Мацумаэ уже в 1780 году достигли японской столицы Эдо. Кудо Хэйсукэ (1734–1801), врач княжества Сэндай, по совместительству представлявший интересы людей в суде, в рамках одного дела познакомился с выходцем из Мацумаэ и услышал от него о совершенно неизвестной для себя стране. Заинтересовавшись этим вопросом, Кудо Хэйсукэ обратился к гол-

ландским и китайским книгам и в результате написал первое в Японии сочинение, полностью посвященное России, – двухтомник «Изучение сведений о Камчатке» (в некоторых списках – «Изучение сведений о красных айнах»⁵).

Первый том своего сочинения Кудо Хэйсукэ начинает с изложения сведений о Камчатке и России, полученных от людей из Мацумаэ. Далее он сопоставляет их с информацией от голландцев и переводчиков из Нагасаки и на основе этого предполагает желание русских начать торговлю с Японией. Он рассуждает о перспективах торговли с Россией, возможном освоении земель айнов, прежде всего Хоккайдо, и использования их ресурсов для торговли [10: 8–13]. Второй том «Изучения сведений о Камчатке» составили переведенные с голландского языка сведения о России из двух европейских книг: «География» Иоганна Гюбнера и «Описание России» Яна Райца. Переводы Кудо Хэйсукэ снабдил комментариями. Одним из основных вопросов, волнующих автора, является причина, по которой приплывающие с Камчатки люди говорят, что их страна называется Россия. Далее, основываясь на вышеуказанных сочинениях, он приводит общие сведения о Камчатке, России, российских правителях от Алексея Михайловича до Екатерины II, об истории российской экспансии от завоевания Тобольска в 1550 году до основания Оренбурга в 1735-м. Завершается второй том сведениями о русском алфавите, по-видимому, на основе записанной участниками той же экспедиции японской азбуки *ироха* русскими буквами, а также о российских товарах [10: 14–20].

Отдельно следует сказать о картах, приложенных к сочинению. На одной из них помещен остров Хоккайдо и прилегающие к нему земли: север Хонсю, Курильские острова, Сахалин, южная оконечность Камчатки. На второй карте изображены Евразия и Африка с прилегающими к ним островами, причем красной линией обозначены границы всех территорий, входящих в состав России. Сам Кудо Хэйсукэ в сопроводительном тексте назвал эту карту «пояснительной иллюстрацией, показывающей размеры территории от России до Камчатки и Сахалина» [9: 2–7]. Данная карта олицетворяет испытанное японцами конца XVIII века потрясение: обширные земли от далекой Европы до северных пределов их собственной страны составляют одно государство – Россию. Этот факт станет для них, пожалуй, важнейшим географическим открытием того времени, а вскоре и важнейшей составляющей образа России, зримым свидетельством мощи Запада, гораздо более действенным,

чем любой военный корабль в японских водах. Основные же заслуги в деле распространения власти России на обширные земли были отданы Петру I (вопреки тому факту, что Сибирь вплоть до побережья Тихого океана была включена в состав России еще до его рождения).

О Петре I Кудо Хэйсукэ пишет во втором томе своего труда, опираясь на упомянутые выше европейские сочинения. Он называет Петра «мудрым правителем-божеством, начавшим возрождение страны» и «человеком, вершившим великие дела». Кудо Хэйсукэ отмечает, что Россия

«уже за несколько поколений до него была монархией, но его заслуги были столь велики, что ему был дарован новый титул... Отец Отечества, Великий Император Всероссийский» [5: 283–284].

Он рассказывает об основных вехах правления Петра – войнах со Швецией, основании Петербурга, расширении торговли на Каспийском море и Тихом океане. В заключение он пишет, что

«Петр оставил огромное множество завещаний и наставлений, и все его потомки следуют им, и с тех пор дела управления процветают», а после его смерти «весь народ [скорбел], словно потерял собственного родителя» [5: 283–286].

Как видно из этого краткого обзора, опираясь при описании деятельности Петра на европейские сочинения, Кудо Хэйсукэ вольно или невольно позаимствовал также все эпитеты и высокие оценки, адресованные российскому правителю. Создание «петровского мифа» – превознесение Петра как образцового императора, а периода его правления как «золотого века» – началось в России по крайней мере в правление Елизаветы Петровны, если не в правление самого Петра, и было активно поддержано в странах Европы [3]. Неудивительно, что и в Японии первые сведения о Петре были окрашены в соответствующие тона.

Второй том «Изучения сведений о Камчатке» был написан в 1781 году. Предисловие к сочинению датируется 1783 годом, тогда же, по-видимому, был написан и первый том. Кудо Хэйсукэ дальновидно не публиковал свое сочинение, а передал его своему знакомому, высокопоставленному чиновнику *бакуфу* Мацумото Хидэмоти, который преподнес рукопись фактически главе правительства Танума Окицугу (1719–1788). Тот, ознакомившись с рассуждениями Кудо Хэйсукэ, принял решение об отправке на Хоккайдо и Курильские острова первой официальной экспедиции, в том числе с целью изучения перспектив торговли с Россией. Хотя эта инициатива не получила продолжения после

отставки Танума в 1786 году, «Изучение сведений о Камчатке» стало отправным документом в деятельности центрального правительства, связанной с Россией, – впоследствии к нему будут обращаться многие официальные лица [9: 2–7].

Благодаря широкому кругу знакомств Кудо Хэйсукэ во властной и интеллектуальной элите Японии о содержании «Изучения сведений о Камчатке» стало известно многим ее представителям. В то же время вплоть до 1790-х годов, когда начались первые официальные контакты, а также впервые смогли вернуться японские моряки, побывавшие в России, в силу ограниченности информации описания России и Петра I могли приобретать весьма специфические формы. Для иллюстрации приведем сведения из сочинения Хаяси Сихэй (1738–1793) «Общий обзор трех стран» 1785 года. Хаяси был близким другом Кудо Хэйсукэ и многие сведения о России получил от него, но в то же время он неоднократно бывал в Нагасаки, где общался с главой голландской фактории Арендом Виллемом Фейтом (1745–1782), о чем он упоминает в своем сочинении [12: 43]. В отличие от Кудо Хэйсукэ Хаяси Сихэй опубликовал свое сочинение, благодаря чему оно широко распространилось по Японии, а несколько экземпляров еще в конце XVIII века даже попали в Европу и Россию [5: 214–219]. Приведем здесь отрывок из сочинения Хаяси Сихэй полностью:

«В годы Камбун по японскому исчислению (1661–1672 годы по европейскому. — В. Щ.) императрица Московии, что в Европе, изъявила намерение, достойное великого и храброго человека, объединить под властью одного императора все пять континентов. Она установила порядок и отдала приказы, гласящие о том, чтобы дети и внуки, будущие после нее, не меняли ее порядка, продолжали увеличивать территорию страны, и чтобы подвиг стал величайшим делом. В этом она видела предназначение императора. После этого день за днем и месяц за месяцем на посты назначались способные люди, постепенно они захватили земли вплоть до севера Татарии, и, в конце концов, в годы Гэмбун по японскому исчислению (1736–1741 годы по европейскому. — В. Щ.) дошли до крайней восточной точки, мыса Камчатки. Теперь Московия простирается на три тысячи японских *ри*» [12: 35–36].

На первый взгляд, Хаяси Сихэй пишет не о Петре I, а о некой императрице. Известно, что члены российской экспедиции, в 1778–1779 годах посещавшие Хоккайдо, сообщали японцам о Екатерине II и даже показывали ее портрет – выполненная японцами копия сохранилась в архиве префектуры Гифу в составе документов торгового дома Хидая Кюбээ, работники которого наряду с чиновниками Мацумаэ встречались тогда с русскими [6: 123]. Писал о Екатерине II и Кудо

Хэйсукэ, причем именно как о нынешней правительнице, не приводя сведений о ее деятельности, но отмечая, что по слухам она «умный и справедливый правитель» [5: 287]. Какие-то сведения о Екатерине II Хаяси Сихэй, возможно, почерпнул из бесед с Арендом Фейтом во время пребывания в Нагасаки. Так или иначе, Хаяси пишет именно об «императрице Московии», вероятно, имея в виду свою современницу Екатерину II, но перенося ее деятельность более чем на столетие назад и приписывая те же заслуги, что Кудо Хэйсукэ относил к Петру I.

Как бы то ни было, по двум приведенным описаниям Кудо Хэйсукэ и Хаяси Сихэй мы видим, что уже в 1780-х годах, до начала первых официальных контактов, в Японии начинает формироваться представление о том, что около ста лет назад в России правил выдающийся государь, главным достижением которого было необычайное увеличение территории страны, при этом о самой его деятельности сообщалось еще крайне мало. Переломным событием стало прибытие в 1792 году миссии Адама Лаксмана: с этого времени связанные с Россией дела перешли в ведение центрального правительства страны – *бакуфу*, поэтому и сбор информации стал вестись на качественно другом уровне, а вернувшиеся на родину японские моряки стали ценным источником обширных и достоверных знаний о северном соседе.

ФОРМИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ПЕТРА I В ЯПОНИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Прибытие в Японию российской миссии А. Лаксмана в 1792–1793 годах вызвало всплеск интереса к России как в правительственных кругах, так и среди интеллектуальной элиты. Слухи о возможном приезде русских просочились через айнов, и еще в 1791 году исследователь северных земель Могами Токунаи (1754–1836) сообщил их правительству [11: 453–454]. По-видимому, в этой связи в начале 1792 года у голландской фактории в Нагасаки были запрошены голландские издания географических словарей И. Гюбнера, а также направлены для перевода документы на русском языке, еще в 1786 году полученные Могами Токунаи от русских во время его поездки на Итуруп (хотя они и не были в итоге переведены) [8: 63–64]. Практически сразу после получения сообщения о прибытии экспедиции Лаксмана у голландской фактории были также запрошены карта и описание России. После отъезда Лаксмана из Хакодате сбор центральным правительством информации о России заметно активизировался.

Доставленные русскими японские моряки Дайкокуя Кодая (1751–1828) и Исокити (1766–1838) получили аудиенцию у сегуна Токугава Изнари, во время которой они ответили на вопросы о своем пребывании в России⁶. Протокол беседы вел придворный врач Кацурагава Хосю (1751–1809). Позже он дополнил полученные от Кодая сведения информацией из голландских сочинений и составил труд «Краткие вести о скитаниях в северных морях» (яп. «*Хокуса бунряку*»). Таким образом голландские книги оставались ценным источником. Так, тот же Кацурагава Хосю в 1793 году составил «Описание России» (яп. «*Росиа си*») на основе голландского перевода «Всеобщей географии» немецкого ученого И. Гюбнера. Известный специалист по голландским наукам Маэно Рётаку (1723–1803) использовал «Описание России» голландского ученого Яна Райца для составления «Кратких основных записей о России» (яп. «*Росиа хонгирыку*»), представлявших собой хронологию правления российских государей. Это были те же тексты, которыми пользовался Кудо Хэйсукэ более чем за десять лет до того, однако, будучи дополненные свидетельствами японских моряков, они приобретали куда большую информативную ценность. Рассмотрим данный вопрос на примере сведений о Петре I в сочинении Кацурагава Хосю «Краткие вести о скитаниях в северных морях».

В 4-й главе, опираясь на «Географию» Гюбнера, Кацурагава пишет, что

«в старые времена жители [России] были очень дикими и свирепыми [...] знаниями же истины обладали лишь весьма немногие», но «лет сто с лишним тому назад царем [этого государства стал] человек по имени Петр Алексеевич», который «отличался добродетелью и очень обширными знаниями, был выдающимся воином и героем [...] объединил обширные земли, проложил много водных путей, развил связи [с другими странами] и, увеличив выгодную торговлю, приумножил богатство собственной страны» [2: 99].

Кроме того, он

«пригласил известных ученых-наставников из других стран, открыл в различных местах школы, стал обучать в них людей своей страны [различным] наукам: от арифметики и азбуки до вершин всех видов искусств и техники» [2: 99].

В итоге Петр «добился изменения всех дурных старых обычаев и привычек, даже нравов, языка и одежды и изо дня в день улучшал управление страной» [2: 99]. Далее Кацурагава пишет, что еще с XVI века русские правители именовались царями, а государство стало постепенно усиливаться, но «особенно громкой слава [России] стала при Петре» [2: 100].

«...Россия и в военном отношении становилась все более и более могущественной» и «присоединила огромные территории [...] простирающиеся от пустыни Гоби и вдоль Северного Ледовитого океана до пролива Аниан, образующего границу с Американским континентом» [2: 100].

Таким образом, Россия «сейчас стала самым большим в мире государством» [2: 99–100]. Далее, в 5-й главе Кацурагава говорит о Петре, что «обладая проницательным умом», тот «ввел новые законы и произвел реформы всего, что было принято исстари, вплоть до обычаев, одежды, этикета и языка». После этого «в стране установился порядок, и многие из ближайших государств изъявили [ему] покорность». Таким образом «земли расширялись, страна богатели, народ благоденствовал», а «население так признательно этому государю за благодеяния, что до сих пор почитает [его], будто основателя государства» [2: 135]. В заключение Кацурагава сделал замечание, которое как ничто другое подчеркивало роль Петра в преобразовании России в могущественное государство. По его словам, Дайкокуя Кодая, когда был в России, «пытался расспрашивать о том и о сем, но что было до Петра, так ничего и не смог узнать» [2: 135].

Как видно, в отличие от Кудо Хэйсукэ и Хаяси Сихэй, Кацурагава Хосю подробно пишет не только о результатах, но и о содержании деятельности Петра I: установление связей с другими странами, развитие торговли, приглашение ученых из других стран, учреждение учебных заведений, распространение науки и техники, изменение дурных обычаев прошлого, одежды, этикета, языка. Забегая вперед, отметим, насколько все это перекликается с тем, что будет происходить в Японии в период правления императора Мэйдзи (1868–1912).

Особая роль Петра I в истории России и его почти божественный статус могли подчеркиваться в глазах японцев и еще одним фактом: ему был установлен бронзовый памятник в центре Петербурга – «Медный всадник». Дайкокуя Кодая стал первым японцем, увидевшим его собственными глазами и сообщившим о нем своим соотечественникам – подробное описание памятника приводится в труде Кацурагава Хосю [2: 119–120]. В Японии с глубокой древности скульптура была сугубо буддийским искусством: каменные и медные изваяния будд и бодхисатв можно было встретить повсюду. Но памятник человеку, пусть даже правителю, – для японцев XVIII века это было подлинно удивительным фактом. Неслучайно, что при описании памятника Кодая приводит легенду о том, как Петр на коне одним своим видом усмирив ядовитую

змею, жившую на месте современного Петергофа и наносившую много вреда людям, а затем и растоптал ее. Завершается описание показательной фразой: «Многие из соседних народов, услышав о божественном могуществе Петра, стали один за другим изъявлять ему свою покорность» [2: 120]. Кроме того, Кодая получил от Екатерины II золотую медаль, на одной стороне которой был изображен портрет императрицы, а на другой – памятник Петру, так что он мог показать изображения российских государей другим японцам.

После визита экспедиции А. Лаксмана активность России и других европейских держав в окрестностях Японии стала только возрастать. В 1795 году была основана российская фактория на Урупe ввиду возможного начала торговли с Японией. В 1796–1797 годах гавани о. Хоккайдо посетила британская экспедиция У. Броутона. В 1804–1805 годах в Нагасаки прибыло очередное российское посольство во главе с Н. П. Резановым, однако, получив отказ, он инициировал нападения на японские поселения на Сахалине и Курильских островах, предпринятые Н. А. Хвостовым и Г. И. Давыдовым в 1806 и 1807 годах. В 1808 году в Нагасаки вошло британское судно «Фаэтон» с намерением арестовать голландцев – в разгаре были наполеоновские войны. В 1811 году в отместку за нападения Хвостова и Давыдова японцы пленили у о. Кунашир российского капитана В. М. Головнина и его спутников и удерживали их более двух лет.

На этом фоне центральное правительство активизировало сбор информации о странах мира и стало поощрять изучение европейских наук. Это превратило зародившиеся в предшествующие десятилетия «голландские науки» (яп. *рангаку*) в передовое интеллектуальное течение Японии. В 1811 году в Эдо при астрономическом ведомстве было учреждено специальное подразделение по переводу голландских книг. Пользуясь нахождением в плену Головнина и его спутников, правительство инициировало изучение и русского языка. Развивались «голландские науки» и на уровне княжеств, особенно самых крупных или приближенных к центральному правительству: Сацума, Сэндай, Мито, Мацусиро и др. Все это породило широкую информационную сеть, объединявшую чиновников *бакуфу* и княжеств, ученых, врачей, переводчиков, голландцев и позволявшую быстро обмениваться книгами, рукописями, сведениями и слухами.

Что касается Петра I, то после сочинения Кацурагава Хосю его образ оставался в целом неизменным, а сведения о его деятельности едва ли могли качественно пополниться или обно-

виться. Власти и ученые Японии были в большей степени заинтересованы сбором информации о России, и это им в основном удавалось. К примеру, главы о пребывании в Японии из «Журнала плавания вокруг света» Крузенштерна были переведены на японский язык с голландского в 1818 году, а «Записки о приключениях в плену у японцев» Головнина – в 1825-м. Однако в 1830-е годы мы наблюдаем уже некоторые новые тенденции в бытовании образа Петра I. Во введении мы уже приводили стихотворение Сакума Сёдзан, написанное в это время. Обратимся также к еще одной значимой фигуре в интеллектуальной жизни Японии рубежа 1830–1840-х годов.

В 1839 году, незадолго до начала Первой опиумной войны в Китае, старший вассал княжества Тавара и известный поборник «голландских наук» по имени Ватанабэ Кадзан (1793–1841) по просьбе чиновника центрального правительства Эгава Хидэтацу (1801–1855) составил «Записку о положении дел в зарубежных странах» (яп. «*Гай-коку дзидзёсё*»). В ней он, опровергая мнение, что Поднебесная всегда остается Поднебесной, а варвары – варварами, писал:

«Россия была самой северной из всех северных стран, однако в ней появился великий правитель по имени Пётр, который захватил земли шириной семьсот или восемьсот *ри*, а протяженностью – три тысячи *ри* от Швеции на западе до Сибири, что граничит с восточными землями айнов. Во всех этих землях он проложил дороги, построил станции, прорыл каналы, пустил по ним корабли, отыскал товары, наладил торговлю, освоил дикie леса и равнины, основал новую столицу, учредил академию, обучил народ, принял в подданство из других стран 201 тысячу 357 человек, создал школу для изучения военных и словесных наук, подготовил кадры, одержал победы в нескольких десятках больших войн и создал величайшую в мире империю. Все это было сделано в правление одного только Петра! Он почил в 1725 году, то есть в 10-м году правления Кёхо» [7: 61–62].

Сведения о деятельности Петра примерно те же, что содержались в сочинении Кацурагава Хосю четырьмя десятилетиями ранее. Однако теперь пример Петра и его преобразований в России начинает использоваться для подспудной критики косного взгляда на международное положение Японии, который был свойствен столь многим в кабинетах центрального правительства. Ватанабэ Кадзан пал жертвой гонений спустя всего два года после того, как написал эти строки, – в самый разгар Первой опиумной войны. Однако спустя еще десятилетие, когда угроза Запада станет как никогда явной, взгляды таких людей, как Ватанабэ Кадзан или Сакума Сёдзан, наконец широко распространятся среди молодого поколе-

ния патриотично настроенных самураев и позволят им в итоге захватить власть в стране, возведя на трон своего Петра – императора Мэйдзи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы смогли увидеть, в «закрытой» Японии периода Токугава распространение сведений о Петре I и формирование его образа шли бок о бок с развитием российско-японских отношений и под влиянием осознания властной и интеллектуальной элитой страны своего международного положения, особенно в конце XVIII – первой половине XIX века. Созданная еще в середине XVII века, пусть и для других целей, система сбора информации позволила в изменившихся

условиях довольно быстро получить сведения о новой для японцев стране, а вскоре и наладить сбор информации о ней и других странах на регулярной основе. Фигура Петра I легко объясняла японцам внезапное появление на мировой арене нового могущественного государства, чьи размеры поражали воображение и внушали опасения за северные пределы собственной страны. А в ситуации, когда с началом Первой опиумной войны в Китае потенциальный враг оказался у самых ворот, наиболее дальновидные японские интеллектуалы начали использовать образ Петра I в качестве иллюстрации возможности и необходимости перемен и реформ и даже возможной модели для них.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 («Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: социокультурная интерпретация и адаптация»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Данное стихотворение присутствует на собственноручном свитке Сакума Сёдзан «Шесть стихов о разных чувствах», хранящемся в Музее дома Санада в г. Мацусиро (преф. Нагано, Япония).
- ² 西川求林斎. 増補華夷通商考 // 日本経済叢書. 第5巻. 東京: 日本経済叢書刊行会, 1914. 208頁. (Нисикава Кю:ринсай. Дополненное исследование торговых сношений Китая и варваров // Японская экономическая библиотека. Т. 5. Токио, 1914. С. 208).
- ³ Подробнее об этом см. [5: 84–105].
- ⁴ Полонский А. С. Курилы // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 4. СПб., 1871. С. 461.
- ⁵ «Красные айны» (яп. акаэдзо) или «красные люди» (яп. акахито) – распространенное название русских в Японии в конце XVIII века. Является калькой с айнского «фурэсямо», что также означало «красные люди» и использовалось курильскими айнами для названия русских по цвету их красных суконных одежд.
- ⁶ Подробнее о роли Дайкокуя Кодая в распространении сведений о России в Японии см.: [1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карташов К. М. Жизнь и судьба Дайкокуя Кодая: после возвращения в Японию // История и культура Японии. Вып. 12. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 385–398.
2. Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных водах («Хокуса Монряку») / Пер. с японского, коммент. и прилож. В. М. Константинова; Отв. ред. В. Н. Горегляд. М.: Наука, 1978. 472 с.
3. Стенник Ю. В. Петр I в русской литературе XVIII века // Петр I в русской литературе XVIII века: Тексты и комментарии. СПб.: Наука, 2006. С. 3–50.
4. Толстогузов С. А. Сёгунат Токугава в годы Тэмпо. Антикризисная политика и реформы в Японии. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2013. 158 с.
5. Щепкин В. В. Северный ветер: Россия и айны в Японии XVIII века. М.: Кругъ, 2017. 392 с.
6. Skunke Marie-Christine, Takigawa Yuko. Scientific relations between Sweden, Russia and Japan in the 1790s: Two letters from Eric Laxman // Svenska Linnésällskapets Årsskrift. 2018. P. 99–138.
7. 渡辺 崋山. 外国事情書 崋山・長英論集. 東京: 岩波書店, 1978. 398頁 (Ватанабэ Кадзан. Записка о положении дел в зарубежных странах // Сборник сочинений Ватанабэ Кадзан и Такано Тёэй. Токио: Иванами сётэн, 1978. 398 с.)
8. 横山 伊徳. 開国前夜の世界 (日本近世の歴史第5巻). 東京: 吉川弘文館, 2013. 383頁 (Ёкояма Ёсинори. Мир накануне открытия страны. Токио: Ёсикава кобункан, 2013. 383 с. (Серия «История Японии в период Токугава». Т. 5))
9. 岩崎 奈緒子. 赤蝦夷風説考の研究 // 平成18～20年度科学研究費補助金研究成果報告書. 京都: 京都大学, 2009. 77頁 (Ивасаки Наоко. Исследование «Акаэдзо фусэцуко»: Отчет о результатах исследования по научно-исследовательскому гранту на 2006–2008 гг. Киото: Кё:то дайгаку, 2009. 77 с.)
10. 工藤 平助. 加模西葛杜加国風説考 // 岩崎 奈緒子. 赤蝦夷風説考の研究 // 平成18～20年度科学研究費補助金研究成果報告書. 京都: 京都大学, 2009. 8～20頁 (Кудо. Изучение сведений о Камчатке // Ивасаки Наоко. Исследование «Акаэдзо фусэцуко»: Отчет о результатах исследования по научно-исследовательскому гранту на 2006–2008 гг. Киото, 2009. С. 8–20.)
11. 最上 徳内. 蝦夷草紙後編 // 北門叢書. 第3巻. 東京: 国書刊行会, 1972. 447～479頁 (Могами Токунаи. Продолжение Айнских тетрадей // Библиотека Севера. Т. 3. Токио: Кокусё канкё:кай, 1972. С. 447–479.)

12. 林子平. 三国通覧図説 // 新編林子平全集. 第2巻. 地理. 東京: 第一書房, 1978. 15~80頁 (Хаяси Сихэй. Обзор трех стран с приложением карт // Новое полное собрание сочинений Хаяси Сихэй. Т. 2. География. Токио: Дайити сёбо, 1978. С. 15–80.)

Поступила в редакцию 02.04.2020

Vasilii V. Shchepkin, PhD in History, Saint Petersburg State University,
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
vshepkin@gmail.com

EARLY INFORMATION ABOUT PETER I AND SHAPING OF HIS IMAGE IN JAPAN*

This article presents the results of the study on how early information about Peter I spread in Japan and how it influenced the shaping of his image in this country during the XVIII and the first half of XIX centuries. The image of Peter I could be used for popularization of the ideas of modernization of Japan according to the Western models, as well as for building a modern nation state with strong central power. The degree of influence of the European assessment of the activities of Peter I, which could be borrowed by the Japanese in their translations of the Dutch works, is also under estimation. It was found that by the end of the XVIII century, the image of Peter I as an outstanding ruler had formed in Japan, with his main achievement being the expansion of the country's territory, after which European Russia suddenly shared a border with northern Japan. At the turn of the XIX century, with the return of the Japanese sailors who had visited Russia back home, information about the contents of Peter's activities started accumulating. As a result, the example of Peter and his transformations in Russia started being used to covertly criticize the rigid views of central government officials on the international position of Japan and their resulting short-sighted foreign policy.

Keywords: Peter I, image of Peter I, image of Russia, history of Russia-Japan relations, history of Japan, Edo period, modernization, westernization

*The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No 20-09-42018 ("Image of Peter the Great in East Asia: Sociocultural Interpretation and Adaptation").

Cite this article as: Shchepkin V. V. Early information about Peter I and shaping of his image in Japan. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 4. P. 115–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.490

REFERENCES

1. Kartashov K. M. Life and destiny of Daikokuya Kodayu after his return to Japan. *History and Culture of Japan*. Issue 12. Moscow, 2020. P. 385–398. (In Russ.)
2. Katsuragawa Hoshu. Brief news about wandering in the northern seas ("Hokusa Monryaku"). (V. M. Konstantinov, Transl. from Japanese, Comments, Appendices). Moscow, 1978. 472 p. (In Russ.)
3. Stennik Yu. V. Peter I in Russian literature of the XVIII century. *Peter I in Russian literature of the XVIII century: Texts and comments*. St. Petersburg, 2006. P. 3–50. (In Russ.)
4. Tolstoguzov S. A. Tokugawa shogunate in the Tempo years. Anti-crises policy and reforms in Japan. Saarbrücken, 2013. 158 p. (In Russ.)
5. Shchepkin V. V. Wind from the north: Russia and Ainu in the XVIII century Japan. Moscow, 2017. 392 p. (In Russ.)
6. Skunke Marie-Christine, Takigawa Yuko. Scientific relations between Sweden, Russia and Japan in the 1790s: Two letters from Eric Laxman. *Svenska Linnésällskapets Årsskrift*. 2018. P. 99–138.
7. 渡辺 崋山. 外国事情書 // 崋山・長英論集. 東京: 岩波書店, 1978. 398頁
8. 横山 伊徳. 開国前夜の世界 (日本近世の歴史第5巻). 東京: 吉川弘文館, 2013. 383頁
9. 岩崎 奈緒子. 赤蝦夷風説考の研究 // 平成18~20年度科学研究費補助金研究成果報告書. 京都: 京都大学, 2009. 77頁
10. 工藤 平助. 加模西葛杜加国風説考 // 岩崎 奈緒子. 赤蝦夷風説考の研究 // 平成18~20年度科学研究費補助金研究成果報告書. 京都: 京都大学, 2009. 8~20頁
11. 最上 徳内. 蝦夷草紙後編 // 北門叢書. 第3巻. 東京: 国書刊行会, 1972. 447~479頁
12. 林子平. 三国通覧図説 // 新編林子平全集. 第2巻. 地理. 東京: 第一書房, 1978. 15~80頁

Received 2 April, 2020